
РАКУРС

А.Т. УРУШАДЗЕ*

**ПОМНИТЬ-НЕЛЬЗЯ-ЗАБЫТЬ:
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ АДЫГОВ И РОССИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ КОММЕМОРАЦИИ**

Аннотация. В статье на основе опубликованных источников и полевых материалов автора рассмотрены несколько проблем места Кавказской войны в исторической памяти адыгов (черкесов) на фоне локализации этого события в большом нарративе Российской Федерации. В СССР начиная с 1950-х годов тема Кавказской войны оказывается на обочине как научного изучения, так и общественного внимания. Историческое содержание самого длительного конфликта в российской истории явно противоречило партийно-идеологическим задачам обеспечения межнационального мира и согласия. Традиция забвения Кавказской войны осталась актуальной и в политике памяти современной России. В то же время для адыгов Кавказская война выступает важнейшим местом памяти, стержнем исторического самосознания. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее наиболее масштабное явление коммеморации в постсоветский период – учреждение Дня памяти адыгов – жертв Кавказской войны (21 мая), но попытки его признания на федеральном уровне безрезультатны. Это стало причиной формирования мемориального разрыва между адыгской этнической группой и большим российским обществом.

* **Урушадзе Амиран Тариселович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: aturushadze@sfedu.ru

Urushadze Amiran, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: aturushadze@sfedu.ru

© Урушадзе А.Т.

DOI: 10.31249/poln/2018.03.06

Ключевые слова: Кавказская война; историческая память; историография; Кабардино-Балкарская Республика; адыги.

Для цитирования: Урушадзе А.Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 129–156. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.06

A.T. Urushadze

**Remember-can't-be forgotten: Caucasian war in the historical memory of
Adygs and in the Russian space of commemoration**

Abstract. In the article, based on published sources and field materials of the author, considered several problems of the place of the Caucasian War in the historical memory of Circassians on the backdrop of the localization this event in the large narrative of the Russian Federation. In the USSR since the 1950-s the theme of the Caucasian war is on the sidelines of both scientific study and public attention. The historical content of the longest conflict in Russian history clearly contradicted the party-ideological tasks of ensuring international peace and harmony. The tradition of forgetfulness of the Caucasian war has remained actual and in the politics of the memory of modern Russia. At the same time, for the Circassians, the Caucasian War is the most important place of memory, the core of historical self-awareness. In Kabardino-Balkaria, Karachaevo-Cherkessia and Adygea, the most large-scale phenomenon of commemoration in the post-Soviet period was the Day of Remembrance of Adygs – victims of the Caucasian War (May 21). Attempts its recognition at the federal level have been unsuccessful. This was the reason for the formation of a memorial gap between the Adygeyan ethnic group and the big Russian society.

Keywords: Caucasian war; historical memory; historiography; Kabardino-Balkarian Republic; Adygs.

For citation: Urushadze A.T. Remember-can't-be forgotten: Caucasian war in the historical memory of Adygs and in the Russian space of commemoration // Political science (RU). – М., 2018. – N 3. – P. 129–156. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.06

Введение

21 мая – особый день в городской жизни Нальчика. Это выходной, а потому с самого утра люди собираются в сквере Свободы у мемориала «Древо жизни». Его переплетенные ветви символизируют единство 12 адыгских племен. Официальные лица и общественные активисты произносят речи. Их смысл и содержание перекликаются с текстами передовиц региональных газет: «Кавказская война вписала трагические страницы в историю Российского государства. Это была война колониальная, захватническая против народов Кавказа. При этом особое геополитическое и

военно-стратегическое значение имела адыгская земля... Для адыгов она [Кавказская война. – А. У.] стала национальной катастрофой» [Хафицэ, 2014, с. 1].

Неподалеку от мемориала проходит яркий этнографический перформанс адыгских всадников под зелеными черкесскими флагами, вызывающий живой интерес у горожан, утомленных официальными выступлениями. После траурного митинга звучит музыка старинных адыгских песен, а завершается День памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения – зажжением 101 свечи, каждая из которых символизирует один год военного времени – с 1763 по 1864. Именно такая датировка Кавказской войны закреплена на постаменте «Древа жизни». Она противоречит устоявшейся в советской науке и зафиксированной в современном историко-культурном стандарте хронологии – 1817–1864 гг.

В историческом сознании адыгов Кавказская война длилась больше века, в большом российском нарративе – «всего» 47 лет. Но хронологическая асимметрия становится малозаметной на фоне колоссального мемориального разрыва. Память о Кавказской войне кажется замкнутой административными границами республик Северного Кавказа, прежде всего «адыгских» регионов: Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Как будто здесь запятуя поставили после слова «помнить», а остальная Россия предпочла забыть.

История на Кавказе всегда больше, чем история. Агонистический дух, свойственный традиционной культуре северокавказских народов, превращает историю в своеобразное состязание «по древности предков». Славное прошлое выступает важным ресурсом этнической мобилизации и политической конкуренции. Подобные «войны памяти» в Закавказье, а также символическая борьба вокруг аланского наследия, были проанализированы в фундаментальных работах В.А. Шнирельмана [Шнирельман, 2003; 2006]. Особенности и смыслы черкесских коммеморативных практик не получили столь же фундированного и обстоятельного освещения.

Вместе с тем исследовательский интерес к региональным практикам конструирования исторической памяти в последние годы, несомненно, вырос. Различные способы мемориализации исторического опыта, которые получили развитие на региональном уровне, Д.О. Хлевнюк объединила в понятие «вторая память»

[Хлевнюк, 2017]. В этой схеме «первая» – память, которая культивируется и эксплуатируется государством, а «вторая» создается общественными «актерами памяти» и концентрируется преимущественно на сюжетах, не связанных с официальной героикой.

Случай Кавказской войны не вполне укладывается в предложенную дихотомию. К памяти о ней обращаются не только адыгские общественные активисты, но и региональные власти, которые, в отличие от федерального центра, не могут не выражать своего отношения к центральному событию истории народов Северного Кавказа. Можно говорить о трех вариантах памяти, или о двух – и одном забвении. В любом случае демаркирующая концептуализация будет проблематичной, ведь тональность высказываний множества «актеров памяти» меняется на различных этапах осмысления истории и наследия Кавказской войны.

Война без памяти

Первым и пока единственным лидером постсоветской России, который попытался дать оценку Кавказской войны, был Б.Н. Ельцин. 18 мая 1994 г. пресс-служба российского президента распространила «Обращение к народам Кавказа». Приуроченный к 130-летию окончания Кавказской войны документ распадается на две части.

Ключевой тезис первой звучит либерально-примирительно: «В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера» [Обращение президента... 2012]. Эти слова могли быть восприняты как сигнал к началу символической деколонизации истории народов Северного Кавказа и, прежде всего, истории Кавказской войны. Возможно, авторы текста рассчитывали на подобный эффект.

Вторая часть обращения актуализирует идеи общей исторической судьбы и политического единства: «В нашем сознании Россия и Кавказ стали неразрывно связанными понятиями, одно невозможно представить без другого. В Нальчике, столице

Кабардино-Балкарии, поставлен памятник Марии Темрюковне, на котором высечены слова: “Навеки с Россией”. Эти слова святы и дороги каждому россиянину».

Можно предположить, что обращение президента России было вызвано не только памятью об очередной годовщине окончания Кавказской войны, но и тяжелым политическим кризисом на Северном Кавказе, вскоре обернувшимся в трагедию первой чеченской войны. Еще более важно, что две части этого важного текста «включались» в формирование различных нарративов о Кавказской войне.

«Деколонизирующая» часть была (и остается) востребована памятью адыгов и других народов Северного Кавказа. В то время как «объединяющая» на долгие годы вошла в символический арсенал государственной политики памяти. Показательно, что в программной статье В.В. Путина «Россия: Национальный вопрос», опубликованной в начале 2012 г., идея исторического, государственного и культурного единства многонациональной России является основной и едва ли не единственной. В соответствии с этим предлагалось конструировать и политику памяти: «Культурная политика, которая на всех уровнях – от школьных пособий до исторической документалистики – формировала бы такое понимание единства исторического процесса, в котором представитель каждого этноса, так же как и потомок “красного комиссара” или “белого офицера”, видел бы свое место. Ощущал бы себя наследником “одной для всех” – противоречивой, трагической, но великой истории России» [Путин, 2012].

Память о Кавказской войне невозможно эффективно использовать в качестве исторического примера единения многонационального народа Российской Федерации. Во многом именно поэтому на федеральном уровне о ней предпочитают не вспоминать, а если все же вспоминают, то это заканчивается скандалом. В декабре 2013 г. в здании Государственной думы подрались два депутата-«единоросса» – А.С. Делимханов и А.А. Журавлев. Причиной конфликта стал памятник чеченским женщинам села Дади-Юрт, которое было уничтожено 14 сентября 1819 г. в ходе одной из военных экспедиций генерала А.П. Ермолова [Ермолов, 2014]. Согласно местному историческому преданию, чеченские женщины, взятые в плен, при переходе через Терек бросились в реку, увлекая за собой солдат-конвоиров. Мемориал на месте аула Дади-Юрт

появился еще в 1990 г., а в 2013 г. памятник получил свой современный вид: горная гряда с чеченской боевой башней в середине композиции.

Депутата А.С. Делимханова возмутило обращение депутата А.А. Журавлева в Генеральную прокуратуру с запросом на проведение проверки законности установки памятника на месте уничтоженного «проконсулом Кавказа» А.П. Ермоловым селения. Инцидент оказался резонансным и широко освещался в прессе [Антонова, Матвеева, 2013]. Конфликт был быстро локализован, и депутаты продолжили совместную работу, но случай этот еще раз показал «взрывоопасность» памяти о Кавказской войне, которая довела до драки однопартийцев.

Кавказская война очевидно находится на периферии государственной политики памяти. Это вызвано не только невозможностью использовать ее в качестве «социального клея», но и повышенной конфликтностью этого места памяти. Во многом нынешнее безразличие федеральных властей напоминает ситуацию 1940-х годов.

Тогда под влиянием государственно-идеологических мотивов произошел переворот в оценке Кавказской войны. Ранее (в 1920–1930-е годы) Кавказская война рассматривалась советской исторической наукой как антиколониальное движение горцев Северного Кавказа против экспансии российского царизма. Горцы выступали в качестве «союзников европейской революции» [Дегоев, 2003, с. 263]. Сложился и культ имама Шамиля – защитника слабых и угнетенных. Беднейшие горцы сплотились под его предводительством для отпора пришлым колонизаторам и местным феодалам. Кавказская война стала историей сплочения трудящихся, которые боролись за свое политическое, социальное и культурное освобождение.

В 1940-е годы многонациональное советское общество объединилось для жестокого противостояния с внешним врагом. «Антиколониальный» и «освободительный» дискурс Кавказской войны естественным образом оказался непопулярен. Стремление горцев Северного Кавказа к светлым идеалам свободы и справедливости не могло отменить того факта, что в Кавказской войне русские и горцы убивали друг друга [Дегоев, 2003, с. 268]. В послевоенные годы историки заметно снизили активность в изучении проблем истории Кавказской войны. Кровопролитная и бес-

прецедентно долгая война между «братскими народами» совершенно не соответствовала атмосфере того времени. В 1947 г. началась кампания по пересмотру концепции Кавказской войны ввиду ее «политической вредности» [Дегоев, 2003, с. 268]. Теперь Россия несла на Кавказ передовую культуру, а горцы во главе с Шамилем выступали в роли приспешников Турции и Англии [Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов, 1953]. Знаковой стала публикация в официальном печатном органе ЦК ВКП (б) – журнале «Большевик» статьи первого секретаря ЦК Компартии Азербайджанской ССР М.Д. Багирова под названием «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» [Багиров, 1950]. Автор обвинил историков в «буржуазном национализме», который привел к «неправильному освещению событий», развернувшихся на Кавказе в первой половине – середине XIX столетия. Присоединение Северного Кавказа к России объявлялось прогрессивным историческим явлением и единственной альтернативой порабощения горцев отсталыми Турцией и / или Персией. Лидеры горского сопротивления признавались за пособников и шпионов иностранных государств – врагов России. Предложенная М.Д. Багировым концепция полностью соответствовала текущему политическому моменту начала холодной войны.

Ученых, допускавших отход от заданной М.Д. Багировым схемы, преследовали. Показательна трагичная судьба философа Г.Н. Гусейнова. В марте 1950 г. он был удостоен Сталинской премии за книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века», но спустя всего несколько месяцев премии был лишен за то, что «представил в извращенном виде характер движения мюридизма и Шамиля, изображая их в качестве прогрессивного национально-освободительного и демократического явления» [Адамов, Кутаков, 1950, с. 101]. Книгу Г.Н. Гусейнова обсуждали на специально созванном Общебакинском собрании интеллигенции 14–15 июля 1950 г., где выступавшие не скупились на обвинения и «разоблачения» [Исмаилов, 2003, с. 191]. Не выдержав преследований, 15 августа 1950 г. Г.Н. Гусейнов покончил с собой.

Произошедшее с Г.Н. Гусейновым показало повышенную опасность темы Кавказской войны. Это, вкупе с позицией советских идеологов, желавших отодвинуть проблему сложного конфликта в дальний угол общественно-политического пространства,

предопределило остановку дальнейшей научной разработки истории Кавказской войны и ее негласное табуирование в мемориальной политике. Память о Кавказской войне в советское время превратилась в полуподпольное явление, что, в свою очередь, стало причиной ее взрывной актуализации на Северном Кавказе в период перестройки и после распада СССР.

Кроме «политической вредности» памяти о Кавказской войне есть и еще одна важная причина ее забвения в российском мемориальном пространстве. Северный Кавказ в эпоху империй (Россия / СССР) так и не был окончательно принят русским национальным самосознанием в качестве «своей» территории. Регион продолжал играть роль символического Другого. Не случайно в манифесте А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» (1990) три закавказские республики отделяются «непреренно и бесповоротно», а «горским кавказским народам» предоставляется выбор, однако на их вхождении в по-новому обустроенную Россию автор не настаивает: «Не крупный Российский Союз нуждается в примыкании малых окраинных народов, но они нуждаются в том больше» [Солженицын, 1990]. Невозможно не отметить, что эти рассуждения великого писателя были порождены поиском ответа на вопрос «где видят границы России сами русские?». Северный Кавказ в ответе, предложенном А.И. Солженицыным, представал регионом-окраиной, очевидно подверженным пространственной маргинализации, которая может выступать в качестве эффективного метода конструирования Другого [Нойманн, 2004, с. 217].

События 1990-х годов усилили и закрепили чуждость Северного Кавказа в русском самосознании. Первый всплеск кавказофобии отмечен в самом начале 1990-х годов и был связан с массовым недовольством жителей Москвы и Санкт-Петербурга поведением и бизнес-методами торговцев из республик Северного Кавказа и независимых закавказских государств. В.А. Шнирельман приводит данные опроса москвичей, проведенного в октябре 1992 г.: 40% опрошенных хуже всего относились к чеченцам, еще 46% – к азербайджанцам [Шнирельман, 2011, с. 257]. Стабильно высокие индексы негативного отношения к представителям кавказских этносов были зафиксированы и опросами ВЦИОМ 1993 г. [там же, с. 257]. В целом социологические исследования 1990-х годов показывали, что российские граждане хуже всего относились к уроженцам Кавказа и цыганам, негативные чувства к которым были силь-

нее, чем аналогичные эмоции к евреям, прибалтам и выходцам из Средней Азии [Шнирельман, 2011, с. 257].

Одним из наиболее популярных киногероев второй половины 1990-х годов стал ветеран первой чеченской войны Данила Багров. В одном из эпизодов фильма А.О. Балабанова «Брат» (1997) Данила, напугав «лиц кавказской национальности» огнестрельным оружием, в ответ на просьбу «Не убивай, брат» равнодушно и с явным пренебрежением говорит: «Не брат ты мне, гнида черно...ая». Желание режиссера отразить социальные настроения совпало с поиском культурной легализации общественной кавказофобии. В крупных российских городах надолго сохранились уличные граффити с изображением Данилы Багрова, закинувшего самострел на плечо, и фразой-слоганом.

Кавказофобия оставалась актуальным общественным явлением и в 2000-е годы, когда приобрела новое измерение, связанное уже не с войной в Чечне, а с социально-экономической политикой центра. Он, по мнению значительной части россиян, неравномерно распределял доходы от нефтегазовой ренты, направляя в республики Северного Кавказа избыточные финансовые средства. Быстро стал популярен лозунг протестных акций: «Хватит кормить Кавказ!». После проведения уже первых акций «за бюджетное равноправие» в Москве осенью 2011 г., по данным «Левада-центра», лозунг «Хватит кормить Кавказ!» поддерживали 62% россиян (при статистической погрешности не более 3,4%) [Россияне об обстановке на Северном Кавказе, 2011]. Еще больше россиян считали, что бюджетные дотации, направляемые в республики Северного Кавказа, растрачиваются неэффективно (72%). Более половины россиян (53%) считали, что федеральные власти слабо контролируют положение дел в Чеченской Республике [Россияне об обстановке на Северном Кавказе, 2011].

Невозможность символического использования Кавказской войны как исторической памяти, консолидирующей многосоставной социум, и кавказофобия стали факторами забвения самого долгого военного конфликта в истории России. В историко-культурном стандарте Кавказская война лишь упомянута как одна из тем в разделах «Пространство империи: Этнокультурный облик страны» и «Преобразования Александра II: Социальная и правовая модернизация» [Историко-культурный стандарт, 2015]. На страницах учебников по истории России для высшей школы Кавказ-

ская война представлена крайне лаконично. Параграфы, включающие описания событий Кавказской войны, названы подчеркнуто нейтрально: «Россия и Кавказ» [История России с древнейших времен... 1996, с. 493], «Россия на Кавказе» [История России XVIII–XIX веков, 2006, с. 569]. Современные российские школьные и университетские учебники по-прежнему выполняют две привычные функции – врачевания и борьбы [Ферро, 1992, с. 19]. Кавказская война выступает не более чем эпизодом в истории расширения Российской империи и ее конкуренции с соседними государствами, а трагедия вынужденного переселения в Османскую империю (мухаджирство) остается за страницами учебника. Горцы и их лидеры показаны фоном, на котором играют свои роли российские генералы и кавказские наместники.

Такое состояние дел контрастирует с мемориализацией Кавказской войны в национальных республиках Северного Кавказа. Здесь историческая память в постсоветскую эпоху стала мощным ресурсом этноцентризма.

Память как война

Адыги – это общее название современных адыгейцев, кабардинцев и черкесов. Оно же в форме *адыгэ* выступает эндоэтнонимом. Адыги и черкесы – синонимичные этнонимы. Но если первый – это самоназвание, то второй – экзоэтноним, фиксируемый в исторических источниках не ранее середины XIII в. [Волкова, 1973, с. 18]. Разделение адыгов на три народа и по трем республикам – наследие советской национальной политики.

Кавказская война и мухаджирство для адыгов – историческая травма. В отличие от федеральной власти, стремящейся к локализации этого опыта, адыги не пытаются его вытеснить или подавить. Напротив, травма Кавказской войны выступает важной частью рассказа о себе и способом актуализации адыгского единства. Вместе с тем интеграция адыгов в политико-административное, социальное и культурное пространство Российской, а затем советской империй придала памяти о Кавказской войне форму «дискурсивного и эпистемологического паралича» [Травма... 2009, с. 7–8], когда травмирующее прошлое осталось невыказанным. В сознании этнического меньшинства это равносильно отторжению памяти

травмы со стороны большого общества и его нарративов, а также навязыванию исторического беспамятства.

В условиях перестройки и гласности, на фоне резкого обвала государственной идеологии и дискредитации большого советского нарратива о «добровольном вхождении» народов Северного Кавказа в состав Российского государства, адыги начинают своеобразный поход за исторической идентичностью и «адекватным историческим сознанием». Этими идеями пропитано знаковое предисловие книги известного историка-адыговеда В.Х. Кажарова «Адыгская хаса». В этом манифесте, провозглашающем возрождение адыгской этнической истории, автор рассматривает череду событий XIX–XX вв. как длящуюся историческую травму: «Столетняя (Sic! – А. У.) Кавказская война, массовый геноцид, аннексия территории, изгнание большей части народа в пределы Османской империи, военно-оккупационный режим в зонах, отведенных для проживания его остатков, затем Октябрьский переворот, Гражданская война, тотальные репрессии сталинизма, усугубленные местными диктаторами, и, наконец, умерщвление духа в годы брежневщины – все это поставило адыгов на грань полной деэтнизации» [Кажаров, 1992, с. 5]. Ученый объединяет имперский и советский периоды, показывая их преемственность в отношении распада адыгской общности и этнической идентичности. Кавказская война и ее трагические итоги определяются автором в качестве причины распада связи времен. В.Х. Кажаров указывал, что «дорога к свободе лежит также и через формирование адекватного исторического сознания» [там же, с. 7].

Способом формирования нового адыгского исторического сознания историк видел подготовку и издание «многотомной истории адыгов с древнейших времен до наших дней» [там же, с. 7]. Эта задача стала приоритетной для появившегося в последние годы советской власти Института черкесской истории и культуры. Однако она так и не была реализована в полной мере. Важнее ее символический смысл: создание отдельного этнического исторического нарратива, пересматривавшего большой нарратив государственной истории.

Манифест В.Х. Кажарова задал парадигму развития адыговедческой историографии. Этническая история адыгов стала доминирующим предметом научных исследований и популяризации прошлого. Спустя 20 лет В.Х. Кажаров писал о первой половине

1990-х годов: «Историки, формируя новое историческое сознание, соответствующее этой потребности, хотели творить и саму историю» [Кажаров, 2012, с. 32].

Историческое наследие Кавказской войны обсуждалось и использовалось не только историками-адыговедами, но быстро стало предметом принятия новых мемориальных законов республиканским парламентом. Уже 7 февраля 1992 г. Верховный совет Кабардино-Балкарской ССР принял Постановление «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» [Об осуждении... 1992]. Документ обозначил несколько оценок и требований, которые позднее будут концептуализироваться понятием «черкесский вопрос».

Во-первых, демографическая и миграционная катастрофа адыгов в годы Кавказской войны были признаны актом геноцида, который предлагалось признать и на общегосударственном уровне. Во-вторых, перед республиканскими институтами власти была поставлена задача разработать программу по реабилитации и репатриации адыгов диаспоры – потомков изгнанников-мухаджиров. Наконец, в-третьих, документ объявлял 21 мая «Днем памяти адыгов (черкесов) – жертв Русско-Кавказской войны» – и выходным днем. Очевидно, документ принимался в спешке, и никто из депутатов не обратил внимания на явное календарное несовпадение. 21 мая 1864 г. прошел парад войск Кавказской армии в урочище Кбаада (Красная поляна) – этот день считается датой завершения Кавказской войны. Именно в таком качестве, как «день воспоминания покорения Кавказа», он отмечался российскими солдатами и офицерами – участниками войны за Кавказ [РГИА.Ф. 547. Оп. 1. Д. 986. Л. 1]. Но эта дата была зафиксирована по юлианскому календарю (старому стилю) и не совпадает с датой по григорианскому календарю (новому стилю). Депутаты не учли перехода на новую календарную систему, которая «перенесла» дату окончания Кавказской войны на 2 июня.

Требование признать геноцид адыгов в годы Кавказской войны становится основным в повестке адыгских съездов и деятельности Международной черкесской ассоциации (далее – МЧА). Основными адресатами обращений становятся высшие должностные лица и парламент Российской Федерации. В 1994 г. МЧА стала участником Организации непредставленных народов и наций (ОННН). В обращении к генеральному секретарю ОННН руково-

дство МЧА отмечало: «Трудности заключаются в том, что трагические последствия Русско-Кавказской войны для адыгов усилиями правителей России в прошлом были скрыты от российской и мировой общественности. Можно сказать, что подобная политика продолжается и по сей день» [Обращение Международной Черкесской Ассоциации... 1994]. ООН признала геноцид адыгов в годы Кавказской войны, а позднее, в 1997 г., ее генеральный секретарь, известный правозащитник М. Ван Вальт ван Праг обращался к Б.Н. Ельцину с просьбой признать геноцид адыгов, закрепить за ними статус народа-изгнанника, признать право на репатриацию адыгов диаспоры [Обращение Организации Непредставленных Народов... 1997]. Однако эти многочисленные обращения не привели к законодательному признанию геноцида адыгов в РФ.

Отсутствие реакции со стороны российского политического руководства отчасти компенсировалось вниманием и внешним покровительством республиканских элит, не препятствовавших общественным дискуссиям, публикации научных работ и художественных произведений, по-новому осмысливающих трагический исторический опыт Кавказской войны.

Проблема геноцида адыгов, представленная в постановлении Верховного совета Кабардинской ССР и многочисленных обращениях МЧА, получила развитие в книге 1992 г. «Геноцид адыгов», написанной в жанре «историко-краеведческой публицистики» [Касумов, Касумов, 1992, с. 4]. Несмотря на полемическую заостренность заглавия, книга написана в узнаваемом тяжеловесном стиле советской историографии. Текст усыпан ссылками на классиков «единственно верного учения». С концептуальной точки зрения в нем не оказалось ничего нового: главным виновником трагедии мухаджирства назван «российский царизм» (по традиции отделенный от русского народа), проводивший политику «колониального гнета». Среди других виновников – Турция и Англия, озабоченные лишь своими интересами и раздававшие адыгам «лживые обещания». Единственная новация книги – появление категории геноцида для характеристики завершающего этапа Кавказской войны и выселения адыгов. С 1990-х годов историческое адыговедение развивается под значительным влиянием деятельности общественных организаций, добивающихся политико-правового признания геноцида.

«Геноцид адыгов» упоминается в качестве дополнительной литературы во введении школьного учебника (8–9 классы) по истории Кабардино-Балкарии [Бекалдиев, 2011, с. 8]. Однако в соответствующих параграфах учебника термин «геноцид» не употребляется. Борьба адыгов против российской экспансии в годы Кавказской войны названа «народно-освободительной» и «антиколониальной» [там же, с. 125–127]. Схожие оценки зафиксированы и в учебнике по истории Адыгеи (8 класс) [Чирг, Емтыль, 2002, с. 85–90].

Еще одной формой развития адыгского нарратива о Кавказской войне с 1980-х годов становится художественная литература. Роман лауреата государственной премии РСФСР адыгского писателя И.Ш. Машбаша «Раскаты далекого грома» издается в 1988 г. стотысячным тиражом [Машбаш, 1988]. Повествование разворачивается на фоне социальных противоречий внутри различных адыгских сообществ, которые приводят сначала к плохо скрываемой вражде, а затем оборачиваются кровавой междоусобицей Бзиюкской битвы (29 июня 1796 г.). Наряду с вполне традиционным для советской исторической литературы сюжетом «классовой борьбы» в романе И.Ш. Машбаша присутствует и тема негативного вмешательства Российской империи во внутренние дела адыгов.

В 1990-е годы писатель создает целый ряд историко-литературных произведений, посвященных этнической истории адыгов различных эпох. В 2003 г. на русском языке выходит монументальный роман «Адыги», в заключительных строках которого И.Ш. Машбаш дает историческую оценку трагедии мухаджирства. Писатель вносит свой вклад в один из самых дискуссионных вопросов истории Кавказской войны – численность мухаджиров: «Но самое страшное – более пяти миллионов адыгов были вынуждены со слезами навсегда покинуть свою родину, расстаться со священными могилами предков. Живут они, можно сказать, безродными по всей земле – в Турции, на Балканах, в странах Ближнего Востока, в Америке, Африке, Европе...» [Машбаш, 2003, с. 733]. По официальным данным российской администрации, которые привел в своей работе еще А.П. Берже, адыгов в период с 1858 по 1865 г. было выселено около 470 тыс. [Берже, 1882, с. 168]. В постсоветский период в трудах исследователей, представляющих «адыгские» научно-образовательные центры, эта цифра считалась заниженной более чем в два раза [Дзамихов,

2005, с. 42; Кушхабиев, 2007, с. 40–41]. Это отмечалось и в учебной литературе. Почему же И.Ш. Машбаш писал о 5 млн мухаджиров? Вероятно, писатель ориентировался на общую численность зарубежной черкесской диаспоры, которая к моменту написания романа составляла, по разным оценкам, от 4 до 5 млн человек.

Несмотря на повышенный интерес к событиям Кавказской войны в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее, обобщающего научного труда так и не появилось. Как отметил В.Х. Кажаров: «Вопреки ожиданиям эта тема не стала предметом всестороннего комплексного исследования, что явно не соответствовало потребности адыгского народа иметь адекватную историческую память о Кавказской войне» [Кажаров, 2012, с. 40]. Кавказская война была самой обсуждаемой темой в адыговедении, но при этом осталась недостаточно изученной. Историки-адыговеды признают парадоксальность такого положения, но указывают на целый ряд объективных проблем, встающих на пути написания подобной работы: формирование авторского коллектива, определение конвенциональных концептуальных рамок, вопрос финансирования¹. Отчасти историографическую пустоту заполнили документальные публикации, отразившие различные стороны Кавказской войны и ее последствий [Материалы по истории западных черкесов, 2012; Адыгские песни времен Кавказской войны, 2014]. Показательно, что даже 150-летие окончания войны (2014) не стало поводом к появлению обобщающей научной работы. В Нальчике была проведена конференция «Кавказская война: События, факты, уроки (к 150-летию окончания)» и изданы ее материалы [Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса, 2014]. Это явно контрастирует с другой важной датой, которая отмечалась в 2007 г., – «450-летие союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией». История русско-кабардино-балкарских связей и отношений отразилась во внушительной по объему (720 страниц) и авторскому коллективу работе под заглавием «История многовекового содружества» [История многовекового содружества, 2007].

¹ Полевой материал экспедиции автора в г. Ростов-на-Дону, 12.09.2017, А.А., 1980 г. р.

Во второй половине 1990-х годов широкий общественный интерес к истории Кавказской войны затухает. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, сложное социально-экономическое положение населения, столкнувшегося с обнищанием, безработицей, бытовой неустроенностью. Активный интерес к прошлому не вписывался в повседневные стратегии выживания. Во-вторых, изменение позиции региональной власти, переставшей покровительствовать изучению истории Кавказской войны. Республиканская администрация опасалась, что популяризация истории Кавказской войны окажет негативное влияние на общественно-политическую обстановку и приведет к межэтническим столкновениям, спровоцирует напряженность в отношениях с федеральным центром.

В эти годы значительно снижается влияние черкесских общественных организаций, поставленных под контроль различных центров власти. Наиболее показателен пример Кабардино-Балкарии, где в 1990-х годах быстро сложился авторитарный, или, по другой терминологии, «неосултанистский» режим власти президента В.М. Кокова [Дерлугьян, 2010, с. 74].

В 2000-е годы черкесские общественники продолжили регулярно (и столь же безнадежно) обращаться к различным институтам федеральной власти с требованием признать геноцид адыгов. Некоторые ответы федеральных чиновников можно назвать и показательными, и курьезными. Летом 2005 г. к Государственной думе РФ обратилось Адыгейское республиканское общественное движение «Черкесский конгресс». Ответ, подписанный заместителем председателя думского Комитета по делам национальностей М.А. Аюповым, сводился к следующему: «По данным Института российской истории РАН, репрессиям по национальному признаку в советский период подверглись 16 этносов, еще 45 этносов были затронуты репрессиями частично. Адыгейцы (черкесы) в этом списке не фигурируют» [Аюпов, 2006]. В данном случае перед нами либо не самая удачная попытка бюрократического ответа на вопрос, который не задавали, либо свидетельство полного непонимания исторического контекста развития народов Северного Кавказа. Отметим, что в заключение своего ответа федеральный чиновник призывает к консолидации и единению, словно проговариваясь, что тяжелое наследие Кавказской войны объективно этому препятствует: «По нашему мнению, современные реалии требуют новых форм работы по соблюдению коллективных прав народов, и

представляется, что сегодня всем нам необходимо искать то общее, что объединяет народы Российской Федерации» [Аюпов, 2006].

Дискурс государственного единства доминирует и в официальных выступлениях региональных лидеров. В заявлении президента КБР А.Б. Канокова, посвященном 144-й годовщине окончания Кавказской войны (2008), было сказано: «Оглядываясь назад, мы должны помнить и о том, что Кавказская война – это единственная черная страница в многовековой истории взаимоотношений Кабардино-Балкарии и России. Не так давно мы торжественно отметили 450-летие добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства. Празднование этой знаменательной даты придало новый импульс консолидации нашего общества, укреплению единства народа Кабардино-Балкарии, ярко и убедительно продемонстрировало его верность однажды данной клятве “Навеки с Россией”» [Сыромятников, 2008].

Однако год спустя, участвуя в документальном фильме А.Н. Сокурова «Интонация», А.Б. Каноков говорил уже о том, что в трагедии Кавказской войны «всем нужно покаяться». А также отметил необходимость «более правдиво показать историю Кавказской войны», попутно сославшись на то, что «эта тема почему-то довольно плотно закрыта». Представляется, что в первом случае А.Б. Каноков призывал к государственному единению, будучи одним из элементов вертикали власти, а в фильме А.Н. Сокурова, говоря о покаянии, позволил себе быть этническим адыгом.

Маргинализация требований адыгских общественных организаций и давление региональных властей привели к тому, что ранее влиятельные социальные институты превратились в замкнутые клубы немногих активистов. В 2012 г. в ходе экспертного интервью мой собеседник отметил: «Население и понятия не имеет о существовании данной организации [Международная черкесская ассоциация. – *А. У.*], о ее лидерах, о местонахождении офиса структуры, не говоря уже о целях и задачах общественной организации». И далее: «...данные организации не имеют ни достаточных ресурсов, ни тем более достаточного числа сторонников. И в перспективе это исключено»¹.

¹ Полевой материал экспедиции автора в г. Нальчик, 20.07.2012, Р.О., 1978 г. р.

Подготовка к проведению зимней Олимпиады в Сочи (2014) вывела проблему последствий Кавказской войны на международный уровень обсуждения. Особенно активны были наиболее многочисленные черкесские диаспоры в Турции (3,3 млн человек) и Иордании (80 тыс. человек) [Кушхабиев, 2007, с. 115, 165]. Зарубежные черкесские организации, требуя признать геноцид, проводили пикетирование зданий российских дипломатических представительств и международных институтов. Возросла и активность российских черкесов-общественников, которым удалось развернуть масштабную кампанию по созданию негативного информационного фона вокруг сочинской Олимпиады. В публикациях представителей черкесских общественных организаций Сочи был объявлен «землей геноцида» [Черкесский вопрос в Сочи, 2014]. Отметим, что черкесские активисты раскололись на два лагеря: одни призывали к бойкоту Олимпиады, другие лишь настаивали на включении адыгских этнических символов в официальную олимпийскую символику.

Через три дня после открытия XXII зимних Олимпийских игр (10 февраля 2014 г.) в рамках встречи с представителями Общественного совета Сочи – 2014 В.В. Путин назвал требования признания черкесского геноцида, с новой силой зазвучавшие в «олимпийском» контексте, «попыткой сдерживания России» [Петров, 2014]. После завершения игр широкое общественное обсуждение Кавказской войны и ее последствий предсказуемо завершилось.

Региональные власти продолжили курс на формирование объединяющей и примиряющей исторической памяти. В 2014 г. в календаре Кабардино-Балкарии появился новый праздник и выходной – День адыгов (черкесов). Указ главы КБР назначил его на 20 сентября. Содержательно праздник должен играть роль регионального варианта Дня народного единства и согласия. На «адыгских» сайтах праздник называли «симулякром» и «даром данайцев», подчеркнув искусственность его создания и смысла. Как отметил Д.Н. Прасолов, «мероприятия 20 сентября пока остаются коммеморативной неудачей республиканского руководства» [Прасолов, 2017, с. 70].

21 мая в этническом сознании адыгов – наиболее значимый день памяти. В этом можно наглядно убедиться, посмотрев запись многолюдного шествия по проспекту Ленина в Нальчике 21 мая 2016 г., размещенную на видеохостинге YouTube. На сайте

Адыги.гу опубликован список героев Черкесии – предводителей горцев в Кавказской войне, составленный по документальным источникам и этнографическим материалам. Он насчитывает 253 имени. Списку героев предпослано небольшое введение, в котором есть такие слова: «Рано или поздно история Русско-Кавказской войны [Sic! – *A. Y.*] в учебных заведениях будет изучаться как самостоятельный предмет, как Великая Октябрьская социалистическая революция, как Великая Отечественная война; о ней будут написаны многотомные труды» [Герои Черкесии, 2018].

Заключение

Своеобразным символом государственного отношения к памяти о Кавказской войне является здание управления центра Кавказской линии, сохранившееся в Нальчике. Бледно-персиковые стены с обсыпавшейся штукатуркой, из-под которой проглядывают деревянные доски; закрытые, будто заколоченные, оконные ставни; кособокие колонны и табличка с надписью: «Охраняется государством». Для советского, как и для современного российского государства тема Кавказской войны показалась слишком опасной. Отсутствие официальных ограничений на изучение и памятование тех событий «компенсируется» особенностями общественных настроений россиян и красноречивым молчанием представителей федеральной власти.

Невысказанность коммеморативной травмы прошлого в советское время привела к ее бурному обсуждению в постсоветские годы, когда история Кавказской войны подверглась стремительной политизации. Забвение и «нарративная недостаточность» Кавказской войны в российском мемориальном пространстве влечет радикализацию ее трактовок и интерпретаций травмированным этническим сознанием адыгов. Наиболее конфликтна и опасна радикальная историческая память, выступающая от имени подполья. Неуклюжие попытки навязать социуму идею общей истории через призывы помнить «позитивную роль» и «вехи дружбы» оборачиваются общественной апатией к официальному дискурсу примирения и согласия.

История Кавказской войны и память о ней смыкаются с другими общественно-политическими проблемами «адыгского» про-

странства Юга России. Настойчивые требования черкесских общественников к федеральной власти признать факт геноцида имеют не только морально-нравственный смысл. Они прямо связаны с незавершенностью процессов нациестроительства в регионе, особенно в «двухтитულных» республиках. Кабардино-балкарские земельные конфликты, проблема защиты прав адыгского меньшинства в Карачаево-Черкесии, а также периодически обостряющиеся дискуссии о вхождении Адыгеи (или ее отдельных частей) в состав Краснодарского края играют роль катализатора идеи обретения идеальной государственности, общего дома российских адыгов и черкесов диаспоры.

Список литературы

- Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. – М., 1950. – № 11. – С. 95–108.
- Адыгские песни времен Кавказской войны / Под ред. А.М. Гутова, М.А. Табишева, Н.Г. Шериевой. – Нальчик: Печатный двор, 2014. – 624 с.
- Антонова Е., Матвеева П. «Жестко отчихвостили» // Газета. ru. – М., 2013. – 4 декабря. – Режим доступа: <https://www.Gazeta.Ru/Social/2013/12/04/5782873.Shtml?Updated> (Дата посещения: 15.03.2018.)
- Аюпов М.А. Ответ Заместителя Председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей М.А. Аюпова на Обращение АРОД «Черкесский конгресс» в ГД РФ по признанию геноцида / Государственная дума РФ. – М., 2006. – 17 января. – Режим доступа: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2545&Itemid=5 (Дата посещения: 23.03.18.)
- Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. – М., 1950. – № 13. – С. 21–37.
- Бекалдиев М.Д. История Кабардино-Балкарии. 8–9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 416 с.
- Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – М., 1882. – № 2. – С. 152–180.
- Владимир Путин. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. – М., 2012. – 23 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Дата посещения: 15.03.2018.)
- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 210 с.
- Герои Черкесии // АДЫГИ.RU. – Майкоп, 2018. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://adygi.ru/index.php?newsid=13311> (Дата посещения: 23.03.18.)
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: История и современность. – М.: Русская панорама, 2003. – 512 с.

- Дерлугьян Г.М.* Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 560 с.
- Дзамихов К.Ф.* Адыги: Борьба и изгнание. – Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат, 2005. – 110 с.
- Ермолов А.П.* Кавказские письма. 1816–1860. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2014. – 723 с.
- Исмаилов Э.Р.* Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945–1953 гг. – Баку: Адильоглы, 2003. – 286 с.
- Историко-культурный стандарт // Российское историческое общество. – М., 2015. – 24 августа. – Режим доступа: <https://historyrussia.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html?view=category&id=122> (Дата посещения: 19.03.18.)
- История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.
- История России XVIII–XIX веков / Под ред. Л.В. Милова. – М.: Эксмо, 2006. – 785 с.
- История России с древнейших времен до 1861 года / Под ред. Н.И. Павленко. – М.: Высшая школа, 1996. – 559 с.
- Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик: КБИГИ, 2014. – 197 с.
- Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. – Нальчик: Институт черкесской истории и культуры, 1992. – 180 с.
- Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX–XXI в. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. – 84 с.
- Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 201 с.
- Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.
- Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / Сост. А.В. Сивер. – Нальчик: КБИГИ, 2012. – 158 с.
- Маибаиш И.Ш.* Адыги. – М.: Советский писатель, 2003. – 736 с.
- Маибаиш И.Ш.* Раскаты далекого грома. – М.: Советский писатель, 1988. – 608 с.
- Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 366 с.
- Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны: Постановление / Верховный совет Кабардино-Балкарской ССР. – Нальчик, 1992. – 7 февраля. – Режим доступа: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1699&Itemid=5 (Дата посещения: 19.03.18.)
- Обращение Международной Черкесской Ассоциации к Организации Непредставленных Народов и Наций / Международная черкесская ассоциация. – Майкоп, 1994. – 9 сентября. – Режим доступа: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2530&Itemid=5 (Дата посещения: 20.03.18.)

- Обращение Организации Непредставленных Народов к Президенту Российской Федерации Борису Ельцину / Организация непредставленных народов и наций. – Гаага, 1997. – 23 апреля. – Режим доступа: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2583&Itemid=5 (Дата посещения: 20.03.18.)
- Обращение президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к народам Кавказа // Коммерсант. – М., 2012. – 11 июля. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1978317> (Дата посещения: 15.03.2018.)
- Петров М. Путин: Попытки сдерживать позитивное развитие России абсолютно бесперспективны / ТАСС. – М., 2014. – 10 февраля. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/953535> (Дата посещения: 23.03.18.)
- Прасолов Д.Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – М., 2017. – № 2. – С. 67–82.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 547. Оп. 1. Д. 986. Л. 1.
- Россияне об обстановке на Северном Кавказе, национализме, политике и финансировании региона, лозунге «Хватит кормить Кавказ» / Левада-центр. – М., 2011. – 15 декабря. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2011/12/15/rossiyane-ob-obstanovke-na-severnom-kavkaze-natsionalizme-politike-i-finansirovani-regiona-lozunge-hvatit-kormit-kavkaz/> (Дата посещения: 17.03.18.)
- Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. – М., 1990. – Режим доступа: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf (Дата посещения: 15.03.18.)
- Сыромятников Д. Война как конструирование нации // Росбалт. – СПб., 2008. – 23 мая. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2008/05/23/486662.html> (Дата посещения: 23.03.18.)
- Травма: Пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 936 с.
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Высшая школа, 1992. – 254 с.
- Хафицэ М. История необратима // Кабардино-Балкарская правда. – Нальчик, 2014. – 21 мая, № 94/95. – С. 1–2.
- Хлевнюк Д.О. Ценности будущего // Ведомости. – М., 2017. – 22 февраля. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/02/22/678719-tsennosti-buduschego> (Дата посещения: 22.02.2018.)
- Черкесский вопрос в Сочи: Столица Олимпиады или земля геноцида? // Кавказский узел. – М., 2014. – 24 марта. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/238010/> (Дата посещения: 23.03.18.)
- Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.): Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2002. – 160 с.
- Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов / Ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат, 1953. – 300 с.
- Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – Т. 2. – 720 с.

Шнирельман В.А. Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.

Шнирельман В.А. Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 542 с.

Полевые наблюдения и материалы

Полевой материал экспедиции автора в г. Нальчик, 20.07.2012 г.; Ошроев Рубен Германович – руководитель группы по изучению проблем современного развития общества Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 1978 г. р., интервью в ИГИ КБНЦ РАН.

Полевой материал экспедиции автора в г. Ростов-на-Дону, 12.09.2017 г.; Абазов Алексей Хасанович – старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 1980 г. р., интервью в Южном научном центре РАН.

Используемые сокращения

КБР – Кабардино-Балкарская Республика

МЧА – Международная черкесская ассоциация

ОННН – Организация непрдставленных наций и народов

РГИА – Российский государственный исторический архив